

УДК 316.356.4

К.Х. Момджян
О МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА НАЦИИ¹

МОМДЖЯН Карен Хачикович — д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой социальной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: karm48@mail.ru.

Автор рассматривает общие принципы типологии социальных групп, различая номинальные и неноминальные, реальные и «как бы организованные», «сконструированные» и стихийно возникшие, объективно-статусные и самореферентные, самодостаточные и несамодостаточные группы. Цель автора – выработать концептуальный аппарат, необходимый и достаточный для анализа этносов и наций в современной истории.

Ключевые слова: Деятельность, потребность, интересы, цели, номинальные группы, неноминальные группы, реальные группы, как бы организованные группы, объективные группы, самореферентные группы, самодостаточные группы, несамодостаточные группы, этносы, нации.

Намерение написать эту статью возникло у автора в ходе конференции, посвященной этническим проблемам современности. Во время обсуждения подтвердился хорошо известный факт: ученые до сих пор не имеют сколь-нибудь согласованной интерпретации ключевых категорий «этнос», «нация», «народ», «национальность» и др.

Очевидно, что концептуальная неразбериха в этом вопросе имеет последствия, далеко выходящие за рамки научных диспутов. До сих пор неясно, кто именно является носителем суверенного права «наций» («народов») на государственное самоопределение, закрепленное в обязывающих международных документах. Являются ли такой «нацией» («народом») граждане современной Испании или Бельгии, безотносительно к этническим различиям между ними, или же право на самоопределение должно быть делегировано каталонцам и баскам, фламандцам и валлонам, стремящимся к созданию моноэтнических государств?

Я далек от мысли о том, что точным определением понятий можно устранить политические противоречия между косоварами и сербами или армянской и азербайджанской сторонами карабахского конфликта. И тем не менее согласованное употребление понятий окажется в сложившейся ситуации далеко не лишним.

© Момджян К. Х., 2012

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РФНФ «Этнос и нация в глобализирующемся мире», проект № 11-03-00050а.

Чтобы выработать общезначимую интерпретацию интересующих нас категорий «этнос» и «нация», следует исходить из того, что и та, и другая используются для обозначения **форм социальной коллективности**, тех или иных **групп** людей.

Отсюда следует, что определить эти понятия мы сможем лишь путем соотнесения с более общими категориями, которые служат для установления классификационных различий между социальными группами. Решению этой задачи и посвящен настоящий текст — рассмотреть общую типологию социальных групп, что позволит в дальнейшем (уже за рамками этой статьи) установить место, которое занимают в этой типологии группы, обозначаемые терминами «этнос», «нация» и «народ».

Социальные группы, как известно, различаются по многим основаниям, исходным из них является различие **номинальных** и **неноминальных** групп.

Номинальными группами принято называть статистические совокупности несвязанных между собой людей, обладающих схожими признаками, которые в принципе **не влияют на образ их жизни**. Такими признаками может быть, к примеру, *цвет волос*, позволяющий нам делить людей на блондинов, брюнетов, шатенов или рыжих. Или *рост*, на основе которого всех нас делят на высоких, низких и людей среднего роста. Или *дата рождения* (впрочем, с признанием этого фактора социально нейтральным не согласятся приверженцы астрологических суеверий, считающие, что у людей, родившихся под знаком Девы или в год кролика, возникают значимые социокультурные сходства, которые отличают их от родившихся под знаком Скорпиона или в год быка).

Излишне доказывать, что вопрос об отличии брюнетов от блондинов или Дев от Скорпионов не вызывает интереса у социальной философии, теоретической социологии и других наук, изучающих поведение людей в среде себе подобных. Это не значит, что знание о номинальных группах вовсе бесполезно, в некоторых случаях оно может иметь практическое значение. К примеру, производителям одежды важно знать, в какой пропорции их покупатели делятся на высоких и низких, полных и худых; производителям обуви интересно пропорциональное соотношение людей с разной длиной стопы и т.д.

Что касается общественных наук, отличных от статистики, для них номинальные группы не представляют ни малейшего интереса. Строго говоря, подобные статистические совокупности, создаваемые с помощью внешней референции, вовсе не следовало бы называть группами, поскольку в них отсутствует какая бы то ни было **имманентная коллективность**, т.е. объективные **надындивидуальные начала**, хоть как-то отличные от свойств отдельно взятых людей.

Такими началами являются или **общие интересы и цели**, вызывающие институционально оформленную скоординированную деятельность (систему социальных ролей и статусов), или, как минимум, **схожие интересы и цели**, порождающие ментальную консолидацию — самосознание общности, выраженное в чувстве «мы».

Учитывая ключевую роль категорий «интерес» и «цель» для типологии социальных групп, имеет смысл заранее определить эти понятия. Начнем с категории «интерес», которая фиксирует важный фактор инициации деятельности, возникающий на основе человеческих **потребностей**. Под потребностью мы будем понимать свойство всякого живого организма (включая человека) испытывать необходимость в условиях жизни, без которых она или невозможна, или некомфортна. Такие необходимые условия называют **предметами потребности**, отличая их от самой потребности, которая — в случае с человеком —

представляет собой не объект, отличный от субъекта, а неотъемлемое *свойство* самого субъекта нуждаться в этом объекте. Соответственно, одна и та же потребность может удовлетворяться с помощью разных предметов и, наоборот, один и тот же предмет может удовлетворять разные потребности.

И целенаправленная деятельность людей, и целесообразная активность животных начинается с актуализации той или иной потребности, ее перехода из состояния «спокойной», удовлетворенной потребности в состояние *нужды*, требующей немедленного удовлетворения. Однако процесс такого удовлетворения качественно отличается у людей и животных. Различие это задано двумя причинно связанными обстоятельствами: 1) наличием у людей *абстрактно-логического мышления*, порождающего систему особых социетальных и экзистенциальных потребностей, отсутствующих у животных (будь то потребность в признании или эстетическая потребность); 2) наличием у людей системы *интересов*, отсутствующих или, как правило, отсутствующих у животных.

Под интересом в этом случае понимается не интенция психики, не состояние субъективной заинтересованности в чем-то или ком-то, а реальное свойство социального субъекта испытывать необходимость в промежуточных объектах-средствах, с помощью которых становится возможным создание, хранение и использование предмета потребности. Наличие интересов есть следствие орудийного типа адаптации, присущего человеку, который вынужден создавать и использовать множество предметов (интереса), нужных не сами по себе, а как средство получения других предметов, непосредственно удовлетворяющих потребность.

Замечу, что термином «предмет» в таком контексте обозначается все то, в чем нуждается носитель потребностей и интересов, включая не только телесные, но и бестелесные, не имеющие субстратной (вещественно-энергетической) определенности объекты. Говоря конкретно, в процессе коллективной деятельности у людей возникают четыре типа необходимых интересов: 1) *орудийные* интересы, предметом которого являются *вещи* — объекты практического назначения, с помощью которых люди непосредственно изменяют природную и социальную среду существования; 2) *информационные* интересы, предметом которых являются *знания, умения* и другие «состояния души», необходимые для успешного осуществления коллективных действий; 3) *коммуникативные* интересы, предметом которых являются другие люди, рассмотренные с точки зрения необходимости их участия (или неучастия) в осуществляемых действиях; 4) *организационные* интересы, предметом которых являются *связи*, необходимые для поддержания должной меры *порядка* в совместной деятельности людей.

В отличие от потребностей, которые исторически неизменны и одинаковы у всех людей (за исключением некоторых физиологических потребностей, связанных с различием возраста и пола), интересы исторически изменчивы, меняются от эпохи к эпохе, от общества к обществу, от человека к человеку. Природа таких интересов определяется наличной социокультурной средой и в обратном порядке определяет ее. В частности, теснейшая связь существует между интересами и *общественными отношениями* — устойчивыми ролевыми и статусными зависимостями между людьми, которые предопределяют сам факт и характер взаимодействия между ними. Интересы выступают как *интернализация* общественных отношений, а отношения — как *объективация* налично данных интересов.

Что касается *целей* человеческой активности, они бывают двух разных видов: 1) *объективные* цели, а именно инстинктоподобные влечения, присущие каждому из людей. В таком широком понимании термина целью, т.е. информационным вектором, предпосланным активности, вызывающим ее и канализирующим в предзаданном направлении, является человеческое стремление к самосохранению, стремление сохранить факт и (или) качество своей жизни; 2) *субъективные* цели, под которыми понимаются присущие лишь людям информационные продукты, представляющие собой спроектированный образ желаемого результата.

Постановка таких субъективных целей зависит не только от потребностей и интересов, но и от факторов *мотивации*, под которой я понимаю эмоциональную, рассудочную и ценностную экспертизу человеком собственных безальтернативных влечений и связанных с ними потребностей, а также свободный выбор в пользу наилучших из них. Процесс мотивации основан на присущей человеку свободе воли, позволяющей ранжировать объективно данные нам цели и потребности, делить их на подлежащие и не подлежащие удовлетворению, первостепенные и второстепенные. Факторы мотивации делают индивидуальное поведение людей трудно предсказуемым, чего нельзя сказать о групповом поведении, в котором индивидуальные вариации поглощаются ролевыми и статусными паттернами-нормами².

Подчеркнем, что к факторам групповой консолидации относятся именно *интересы* и *субъективные цели*, поскольку потребности и объективные цели совершенно одинаковы у полицейских и преступников, предпринимателей и наемных рабочих, верующих и атеистов и т.д.

После этих разъяснений можно вернуться к типологии социальных групп, которую мы начали с различения неноминальных и номинальных групп. Очевидно, что признаки, положенные в основу выделения последних, не вызывают у блондинов, голубоглазых или носящих желтую кожаную обувь сколь-нибудь схожих (не говоря уже об общих) интересов и целей. Как следствие, в номинальных группах отсутствуют два важных сигнальных признака, присущих группам неноминальным.

Первым из этих признаков является уже упоминавшееся самосознание общности, самореференция по типу «мы». В самом деле, если люди говорят о себе «мы — русские», «мы — коммунисты» или «мы — болельщики “Спартака”», это свидетельствует о наличии схожих (или общих) черт образа жизни, придающих группе неноминальный характер. Напротив, отсутствие самореференций типа «мы, носящие 42-й размер обуви», или «мы, любящие клубнику со сливками», свидетельствует о том, что факторы, положенные в основу выделения таких групп, социально нейтральны, а сами они представляют собой статистические совокупности не только практически не связанных между собой, но и ментально не соотносящихся, не «сомыслящих» и не «сочувствующих» друг другу людей³.

² Это значит, что нормами альтруизма в отношении своих рабочих может руководствоваться лишь отдельно взятый фабрикант, но никак не класс предпринимателей в целом, условием существования которого является стремление к максимизации прибыли, а не нравственный посыл делиться с ближним последней рубахой. Неминуемое разорение предпринимателя-альтруиста лишней раз докажет, что альтруистическое взаимодействие по определению не может быть нормой отношений труда и капитала.

³ Следует отличать такие номинальные группы от неноминальных групп, обладающих той или иной степенью единства или общности и демонстрирующих их с помощью социально индифферентных признаков. К примеру, люди, носящие желтую обувь, представляют собой в норме номинальную группу, если только ношение такой обуви не является средством групповой идентификации (как это происходило на планете Плюк из комедии Г. Данелия, где ношение штанов малинового цвета символизировало принадлежность носящего к богатым и

Вторым из признаков, превращающих группу в объект научного интереса, является *феномен ожидаемого поведения*, связанного с членством в данной группе.

В этом плане номинальные группы не интересны социальной науке по той причине, что принадлежность к ним не дает возможность прогнозировать типичные поведенческие реакции людей, оказавшихся в типичных социальных обстоятельствах. Иными словами, мы ничего не можем ждать заранее от блондинов или носящих 42-й размер обуви. Нам не известно и не может быть известно, богаты они или бедны, отдадут распоряжения или исполняют их, занимаются физическим или умственным трудом, пользуются или не пользуются общественным престижем, верят или не верят в Бога и т.д.

В неноминальных группах все обстоит по-другому. Говоря о предпринимателях или наемных работниках, священниках или прихожанах, полицейских или преступниках, мы исходим из обоснованного предположения о том, что члены таких неноминальных групп имеют вполне предсказуемые интересы, мотивы, цели и другие детерминанты поведения, которые определяются устойчивыми ролевыми и статусными характеристиками, т.е. функцией в общественном разделении труда и местом в распределении его условий и продуктов⁴.

Впрочем, различие между номинальными и неноминальными группами не является абсолютным и допускает взаимопереходы. Это означает, что у номинальных групп может возникнуть основание для практической или ментальной консолидации, каковым является, как правило, внешнее давление на ее представителей. В самом деле, если кому-нибудь из властей предрешающих взбредет в голову мысль дискриминировать рыжих (обкладывая их дополнительными налогами или лишая избирательных прав), это, наверняка, приведет к консолидации той части рыжеволосых, которые не поддадутся соблазну переокраситься, что неминуемо выведет их за классификационные рамки номинальной группы.

Впрочем, внешнее давление на номинальную группу может быть не только гипотетическим. Оно становится реальным в ситуации, когда мифологизированное общественное сознание наделяет носителей социально нейтральных признаков *измышленным* поведенческим сходством, в реальности отсутствующим. В этом случае начинает действовать так называемая теорема Томаса, согласно которой «если нечто *считается* реальным, оно *становится* реальным по своим последствиям».

К примеру, полушутливая мифология, устанавливающая зависимость между цветом волос и уровнем интеллектуального развития женщин, вполне способна породить групповую самоидентификацию блондинок в целях защиты от несправедливых обвинений. Более серьезным примером может служить расовая дискриминация, основанная на убеждении в изначальной неполноценности людей с альтернативным цветом кожи. Естественно, подобная практика способствует возникновению неноминальных социокультурных групп (скажем,

облеченным властью людям, требующим уважения и почестей). Если говорить о примерах из реальной жизни, то в современной России молодые люди, носящие красно-белые шарфы и красно-белые шапочки, представляют собой неноминальную группу болельщиков «Спартака», идентифицирующих себя с помощью подобной атрибутики.

⁴ Конечно, не во всех случаях наши ожидания оправдываются. Вполне возможно проявление ролевых дисфункций и статусных диспропорций, когда, к примеру, полицейские нарушают закон, вместо того чтобы защищать его, а богатые люди ведут образ жизни нищенствующего Плюшкина. Однако эти флюктуации могут и должны прогнозироваться наукой, чего нет и не может быть в случае с номинальными совокупностями людей, где нет никаких поведенческих норм и исключений из них. В данном случае непредсказуемость индивидуального поведения людей есть следствие отсутствия коллективного поведения как такового.

общины темнокожих граждан США), страдающих от подобной дискриминации и солидаризирующихся в борьбе с ней. Подобные *неноминальные расовые меньшинства* следует отличать от собственно *рас*, представляющих собой номинальные совокупности — в силу того, что соматические различия расового типа, могущие быть поводом к дискриминации, *сами по себе* не влияют на образ жизни их носителей, не делают их априори умными или глупыми, богатыми или бедными, управляющими или управляемыми.

Различие между номинальными и *неноминальными* группами — это первое, что мы должны учесть в последующем анализе этносоциальных и этнокультурных групп. Нам предстоит ответить на вопрос: соответствуют ли интересующие нас этносы, нации, народы (или какая-нибудь из этих групп в отдельности) признакам номинальной совокупности, являются ли они воображаемыми группами (в буквальном, не андерсоновском значении глагола «вообразать», которое не совпадает со значением глагола «придумывать»)?

Перейти к обсуждению этой проблемы мы сможем лишь после того, как завершим общую типологию социальных групп. А для этого необходимо забыть о номинальных совокупностях и перейти к рассмотрению *неноминальных* групп, которые изначально делятся на два принципиально разных типа: 1) *реальные группы*; 2) «*как бы интегрированные*» группы (as if integrated groups — терминология П.А. Сорокина).

И в том, и в другом случае речь идет о *неноминальных* сообществах людей, в которых обнаружимы самосознание общности и эффект ожидаемого поведения членов группы. Что же касается различий, они связаны с наличием (или отсутствием) *совместной скоординированной деятельности*, осуществляемой (или не осуществляемой) членами этих групп. Наличие такой деятельности в реальных группах связано с наличием в них *общих* интересов и целей, в то время как в квазиинтегрированных сообществах имеются лишь *схожие* интересы и цели, необходимые, но недостаточные для совместных действий.

Для понимания сказанного нужно отчетливо различать категорию «*общее*», которая фиксирует «целокупность» явлений, основанную на *связи* между ними (т.е. на согласованности их изменений), и категорию «*схожее*», которая фиксирует *отношения* сходства и различия между явлениями, не связанными между собой.

В русском языке термины «общее» и «схожее» нередко используются как синонимы. К примеру, мы можем говорить об «общей слабости» людей, излишне увлекающихся спиртным, даже в том случае, если эти люди никак не связаны между собой, т.е. обладают схожим недостатком, не являясь собутыльниками. Совсем другое значение термин «общее» приобретает в ситуации, когда мужчина говорит, к примеру, об общих детях, связывающих его с женщиной. Очевидно, что в этом контексте термин «общее» фиксирует не *одинаковость* явлений, а их *целостность*, основанную на взаимной согласованности изменений.

Руководствуясь сказанным, мы должны отличать *схожие* интересы и цели, одинаковые у людей, не зависящих непосредственно друг от друга, и *общие* интересы и цели, возникающие у совместно действующих людей. Очевидно, что *схожее* и *общее* связаны между собой генетически: в основе общего всегда лежит *схожее*, которое становится общим лишь тогда, когда вызывает совместную скоординированную активность, связывающую людей. К примеру, заинтересованность жителей жилого дома в сохранении чистоты и порядка в нем превращается из *схожей* в *общую*, когда люди, одинаково нуждающиеся в порядке, перестают просто жаловаться друг другу на грязь и начинают действовать совместно, чтобы добиться желаемого каждым по отдельности.

Итак, реальные группы состоят из связанных между собой людей, занятых совместной скоординированной деятельностью, направленной на достижение общих целей и удовлетворение общих интересов. Реальные группы характеризуются системным типом интеграции, т.е. представляют собой целое, которое состоит из взаимосвязанных частей, но не сводится к их сумме, поскольку обладает интегральными свойствами, присущими лишь целому и отсутствующими у его подсистем, компонентов и элементов. Простейшая иллюстрация — вода, состоящая из водорода и кислорода, способна гасить огонь, чем не могут похвастаться ни водород, ни кислород, взятые по отдельности.

Наглядным примером реальной группы может служить, скажем, футбольная команда, члены которой заняты общим делом, в котором изменение свойств и состояний одних участников незамедлительно сказывается на свойствах и состояниях других и, как результат, на эффективности совместных усилий. При этом качество самой команды, ее способность играть в результативный футбол, выигрывать чемпионаты и кубки, не является механическим дериватом индивидуальных свойств образующих ее игроков.

В самом деле, футбольным тренерам хорошо известна поговорка «порядок бьет класс», означающая, что команда, состоящая из хорошо сыгранных игроков среднего класса, способна выиграть у несыгранных между собой футбольных звезд. В этом случае сыгранность выступает как интегральное свойство целого, поскольку сыгранной или не сыгранной может быть только команда, а не отдельно взятые игроки, потенциально способные или не способные к коллективной игре⁵.

Впрочем, футбольная команда представляет собой простейший вид реальных групп, взаимодействие в которых имеет в норме солидаристский характер. В более сложных случаях наличие схожих и общих интересов, которые являются условием существования реальных групп, совсем не исключает возможности (и даже необходимости) социальных конфликтов, вызываемых другой группой разнонаправленных интересов и целей. Примером могут служить реальные противоречия между наемными рабочими и предпринимателями, которые порождают конфликтное взаимодействие людей, взаимно нуждающихся друг в друге, т.е. имеющих схожие и общие интересы. Возможный переход конфликтного взаимодействия классов в их конфликтное противодействие (антагонизм) означает исчезновение общих интересов и, следовательно, распад объединяющей их реальной группы (общества), замену одного типа общественной организации другим.

В этом плане любая реальная группа людей основана на сотрудничестве, но это сотрудничество далеко не всегда имеет солидаристский характер, не исключает острейших конфликтов, способных привести к распаду группы.

Что касается «как бы организованных» групп, то они состоят из несвязанных между собой, не действующих совместно людей, обладающих тем не менее схожими свойствами, которые влияют на образ их жизни, ставят членов общности в одинаковую жизненную ситуацию, создают одинаковые интересы и цели. В основе «как бы организованных групп»

⁵ Характерно, что интегральные свойства целого, отсутствующие у частей, все-таки проецируются на них, надстраиваясь над их собственными, присущими только им свойствами. К примеру, характеризуя свойства отдельных футбольных игроков, мы не ограничиваемся присущим лишь им индивидуальным умением быстро думать, быстро бегать, владеть дриблингом, точным ударом по воротам и пр. Будучи частями системного целого, игроки приобретают особые надындивидуальные свойства, источником которых является именно целое, а не его часть. Таково, к примеру, свойство футболистов иметь игровое амплу «вратаря», «защитника» или «нападающего», т.е. исполнять своеобразную социальную роль, которая определяется свойствами коллективной игры.

лежат не *ролевые отношения*, определяющие *разделение труда* между совместно действующими людьми, а *статусные отношения*, которые определяют место, занимаемое членами группы в системе *распределения общественно значимых благ* (таких как собственность, власть, престиж, образование, профессия, культурные патерны и др.).

Примером «как бы организованных» групп могут быть экономические страты («богатые», «бедные», «люди среднего достатка»); люди, связанные общностью профессии («шахтеры», «преподаватели») и даже общностью пола⁶.

С одной стороны, все перечисленные выше общности не обладают свойствами реальных самодеятельных групп, занятых совместной скоординированной деятельностью (что не исключает способности активного меньшинства объединяться в политические и прочие союзы), а с другой стороны, они явно отличаются от чисто номинальных групп. Очевидно, что ни самосознание общности, ни прогнозируемые поведенческие реакции не возникают на пустом месте — за ними стоит и их питает схожая жизненная ситуация, которая порождает существенно схожие представления о справедливом и несправедливом, желаемом и нежелаемом для «бедняков», «женщин» или «ветеранов труда»⁷.

Вид «как бы организованных» социальных групп хорошо описан К. Марксом в «18 брюмера Луи Бонапарта» применительно к французскому крестьянству середины XIX в. «Парцельные крестьяне, — пишет Маркс, — составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения (точнее, связи. — К.М.) друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними... Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем... Тождество их интересов не создает между ними... никакой национальной связи, никакой политической организации... Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие» [1].

Как и в случае с номинальными и неноминальными группами, различие реальных и «как бы организованных» групп не означает их абсолютной противоположности и вполне допускает взаимопереходы между ними. К примеру, тот же Маркс рассуждал о переходе рабочего классов из состояния общности в состояние реальной самодеятельной группы, называя такую трансформацию переходом «класса в себе» в «класс для себя». «Экономические условия, — писал К. Маркс, — превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие (точнее, схожие. — К.М.) интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по

⁶ Впрочем, радикальные феминистки, которые борются не за равенство полов, а за их «одинаковость», отказываются рассматривать «женщин вообще» как группу, имеющую схожие интересы и цели, отличные от интересов и целей мужчин. Наличие таких схожих интересов допускается лишь в «нецивилизованных» обществах, еще не устранивших исторически сложившуюся дискриминацию женщин. С устранением такой дискриминации различие между мужчинами и женщинами признается сугубо физиологическим, социально нейтральным — в той же мере, в какой нейтральны цвет волос или глаз.

⁷ Естественно, такое сходство не выступает как тотальная одинаковость, не отменяет значимых градаций внутри «как бы организованных» групп (скажем, между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми пенсионерами). Сходство не отменяет различий, равно как и различия не отменяют сходств, сохраняя диалектику типичного и нетипичного, правила и исключений в жизни людей, принадлежащих «как бы организованным» группам.

отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплывается, она конституируется как класс для себя» [2]⁸.

Оставляя в стороне процессы классовобразования, рассмотрим еще одно различие между ненормальными группами, которое связано с механизмами их генезиса. Речь идет о различии между «**организациями**» (в самом широком понимании этого термина, в котором к организациям относятся не только формализованные группы с фиксированным членством) и так называемыми **общностями**.

Суть различия состоит в том, что «организации» «изобретаются» людьми, т.е. создаются ими сознательно в ходе особой деятельности, продуктом которой являются «формы общения» между людьми.

Примером может служить генезис государства и государственного аппарата. Строго говоря, государство представляет собой не *группу* людей, а *институт*, то есть систему безличных социальных ролей, которые (в норме) не меняют свою функциональность в зависимости от того, какие конкретно люди востребованы для их исполнения. Однако без таких людей, объединенных в реальную социальную группу (правительство и правительственный аппарат), институт государства существовать не может.

Как бы то ни было, группа людей, образующих публичную власть, т.е. делающих политическое управление обществом своим исключительным занятием, профессией, не может возникнуть стихийно. Конечно, государство и государственный аппарат возникают с исторической необходимостью, но эта необходимость, не зависящая от воли людей, претворяется в жизнь лишь в том случае, если проходит через их *сознание*. Иначе говоря, возникновение государственных структур представляет собой осуществление идеального плана их создания, имеющего вполне конкретных авторов — отцов-основателей государства (хотя реализация этого плана способна привести ко многим побочным следствиям, которые не планировались людьми и не ожидались ими).

Возникновение общностей осуществляется по другой схеме. К примеру, мы не знаем и не можем знать, кому принадлежит идея создания класса буржуазии в Европе, поскольку такое классовобразование не имеет «придумавших» его авторов. Люди изобрели не новый класс, а новые средства труда и новые формы организации производственного процесса (по Марксу), или новые императивы морали в виде протестантской этики (по Веберу), не отдавая себе ни малейшего отчета в долгосрочных последствиях таких «изобретений» для групповой структуры общества. В этом и подобных случаях общности *складываются, а не создаются*, они возникают как стихийный *результат* — но не *продукт!* — целенаправленной активности людей.

Нетрудно видеть, что различие «организаций» и «общностей» тесно связано с различием «реальных» и «как бы организованных» групп, но не совпадает с ним полностью.

⁸ Приведенный пример можно считать не вполне удачным, поскольку многие ученые (вслед за П.А. Сорокиным) считают, что экономические классы не способны превращаться в самостоятельные группы, всегда оставаясь совокупностью сходно живущих и сходно думающих людей, «от имени и по поручению» которых действует не сам класс, а представляющие его социально-политические институты (партии, профсоюзы и пр.). Но даже если такой переход не возможен в случае с экономическими классами, он вполне возможен в случае с другими, к примеру, профессиональными группами. Иными словами, в масштабе страны люди, обладающие одинаковой профессией («шахтеры» или «авиадиспетчеры»), вполне способны превращаться из общности, основанной на сходстве образа жизни, в реальную группу, состоящую из взаимосвязанных, скоординировано действующих людей, участвующих во всеобщей забастовке. Более того, способность переходить из состояния «в себе» в состояние «для себя» есть важное свойство этнических групп, о чем нам предстоит говорить далее.

Ставшие реальными группы всегда являются организациями, чего нельзя сказать о группах «как бы организованных», не всегда имеющих статус общностей. К примеру, экономические классы, которые в предшествующей истории человечества возникали стихийно, в нашу эпоху могут конструироваться вполне сознательно. В качестве примера можно привести современные программы создания так называемого среднего класса в странах с догоняющим типом модернизации.

Нетрудно видеть, что классификационное отличие «организаций» и «общностей» имеет большое значение для понимания этноса и нации. Достаточно сказать, что почти вся полемика примордиализма и конструктивизма в понимании наций упирается в вопрос, являются ли они стихийно сложившимися общностями или организациями, которые конструируются государственной властью в соответствии с идеологическими доктринами национализма, возникающими раньше самих наций.

Эту проблему мы рассмотрим в дальнейшем. Пока же следует назвать еще один классификационный признак неноминальных групп, в соответствии с которым они делятся на группы *объективно-статусные* и *самореферентные*.

Суть различия состоит в том, что принадлежность индивидов к объективно-статусным группам задана независимо от их воли (хотя и может быть изменена — в «открытых обществах» с развитой системой «социальных лифтов» — в соответствии с их практически осуществленным желанием).

К примеру, до тех пор, пока человек получает основные средства существования путем продажи своей рабочей силы собственникам средств производства, он объективно принадлежит к классу наемных рабочих, даже если считает себя египетским фараоном или римским императором.

В самореферентных группах ситуация существенно иная. Члены таких групп сами решают, быть ли им болельщиками «Спартака» или «Динамо», членами демократической или республиканской партий, приверженцами католицизма или православия и т.д.

Конечно, идея различения объективно-статусных и самореферентных групп разделяется не всеми учеными. В частности, с ней не согласны некоторые сторонники феноменологической социологии, считающие, что все неноминальные социальные группы по определению являются самореферентными. В этом случае снимается всякое различие между «пластом бытия» и «пластом сознания», утверждается (если несколько утрировать ситуацию), что, для того чтобы *быть* рабочим (крестьянином и пр.), достаточно *считать* себя им.

Рамки статьи не дают мне возможности полемизировать с такой позицией, бесконечно упрощающей реальное положение дел. Вопрос об объективно-статусных группах, о тех «скрепах», которые «прикрепляют» к ним их членов — сложная научная проблема, требующая специального рассмотрения. В одном случае главными «скрепами» могут быть объективно данные *интересы* людей, природа которых не зависит от правильного или неправильного их понимания носителями. В другом случае «прописка» в группе определяется столь же объективными стереотипами мышления, чувствования и практического поведения людей. Во всяком случае, отрицать тот факт, что не все в образе жизни людей зависит от их свободного выбора — есть, с моей точки зрения, верх легкомыслия, не украшающего серьезных аналитиков. Увы, не все понимают, что «миграции» таксономических единиц не снимают объективных различий между таксонами. Это значит, что способность отдельных людей изменять свое положение в групповой структуре не отменяет существования

объективно-статусных групп — точно так же, как способность боевого шлема быть емкостью для питья не отменяет объективных отличий между классом предметов, именуемых «посуда», и классом предметов, именуемых «вооружение».

Вопрос о различии объективно-статусных и самореферентных групп необычайно важен для понимания различий между собственно этносами и нациями. Пока же рассмотрим последний из интересующих нас классификационных признаков, который касается различий между *самодостаточными* и *несамодостаточными* группами, т.е. между *обществами* и *сообществами* людей внутри этих обществ.

Известно, что термин «общество» имеет несколько значений, однако не каждое из них пригодно для научного использования. Я убежден, что социальная философия не может применять бытовое значение термина, в котором обществом называют любой человеческий коллектив, *сообщество* людей — независимо от его размеров, занятий, факта, формы и степени консолидации (от общества филателистов до дурного общества, в которое могут попасть наши дети).

Некоторые специалисты считают такое понимание общества наиболее узким из возможных, допуская тем самым его использование в науке. В действительности мы имеем дело с некатегориальной трактовкой термина, имеющей самые дурные последствия, когда важнейшее для науки понятие «общество» дублирует (без всякой надобности) понятие «социальная группа».

Конечно, эти категории связаны между собой, но они далеко не тождественны. Общество, несомненно, является социальной группой, но далеко не каждая группа является обществом. В философско-социологическом значении термина «обществом» можно называть лишь *самодостаточные* социальные группы, члены которых способны самостоятельно, без внешней помощи, без участия других групп создавать и воссоздавать *все* необходимые (субъектные, вещные, информационные и организационные) условия своего существования [3].

Конечно, в условиях современного глобализирующегося мира трудно или невозможно найти анклавные очаги социальности, еще не ставшие компонентами складывающейся системы общепланетарных (прежде всего мирохозяйственных) связей. Очевидно, что мы находимся в процессе, который может привести к тому, что на планете Земля останется одно-единственное общество — планетарно интегрированное человечество — а ранее существовавшие самодостаточные группы постепенно утратят свой суверенитет и в итоге получат статус этнокультурных образований (типа итальянской или китайской общин в современных США).

И все же, этот процесс еще очень далек от завершения. Я думаю, что общества сохранятся в современной истории до тех пор, пока социальные группы сохраняют *потенциальную самодостаточность*, т.е. теоретическую возможность выжить в условиях автаркии.

Для обозначения таких реальных обществ в русском языке используются понятия «страна», «народ» или «государство» (в широком понимании государства, не совпадающим с обозначением политического института, который является частью общества). Все эти термины, увы, не обладают должной строгостью.

Важнейший вопрос теории — понять, как подобные «социоры» соотносятся с этническими группами и нациями, являются ли последние формой существования

самодостаточных групп в современной истории, имеет ли самодостаточное существование в ней этнические измерения и др. Но эта задача выходит за рамки настоящей статьи, в которой рассмотрены самые общие принципы типологии социальных групп, подлежащие дальнейшей конкретизации.

Литература

- 1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. — Т. 27. — С. 402.
- 2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. — Т. 4. — С. 183.
- 3 Момджян К.Х. Введение в социальную философию. — М., 1997.